Электронная библиотека (репозиторий)
Томского государственного университета
http://vital.lib.tsu.ru

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Томском Красному войну в неделю уюта.

№ 1. ПЯТНИЦА, 1-го декабря 1922 года. № 1.

Сегодня начинается неделя уюта красноармейца.

В эту неделю рабочие и крестьяне сделают все, чтобы облегчить и скрасить жизнь своих защитников.

НЕДЕЛЯ УЮТА.

Наша красная армия далеко еще не закончила ту роль, которая на нее возложена мировой историей. Нам необходимо сохранить полностью ее боевую способность. Для этого, кроме военной техники, обучения, сознательности, нужно, чтобы красной армии были предоставлены человеческие условия существования.

Красная армия разгромила всех врагов рабоче-крестьянской республики. Ее завоевания на фронте крови дали нам возможность приступить к усиленной работе на фронте труда. Ныне красная армия, как несокрушимый колосс, стоит на всех границах великой РСФСР и охраняет труд и спокойствие всех ее граждан.

Рабоче-крестьянские массы и советская власть хорошо знают, что рано еще говорить о том, чтобы сложить оружие, еще далеко не наступил тот момент, когда можно будет перековать штык на молот, топор или соху. Советская Россия со всех сторон окружена явными и тайными врагами, и не может быть речи об уверенном постоянном мире между рабоче-крестьянским и буржуазными государствами. Мировая буржуазия под давлением своей внутренней разрухи, политического беспокойства—с одной стороны, и мощи нашей красной армии—с другой, принуждена временно оставить нас в покое. Но стоит им только почувствовать нашу слабость, как они не замедлят снова обрушиться на советскую республику всей тяжестью своей артиллерии, кавалерии, инфантерии и дипломатического предательства. Эти господа—буржуазные правительства признают только одну силу—силу штыка. Поэтому красный штык до сих пор не перестает для нас играть роль первостепенной важности.

Красная армия была, есть и, вероятно, долго еще будет принуждена охранять спокойствие рабоче-крестьянской республики от многочисленных ее врагов внутренних и внешних. И поскольку эта армия будет поставлена в лучшие условия существования, поскольку она будет более сознательна и просвещена, постольку она будет более боеспособна, постольку она будет более в силах охранять завоевания нашей Великой Октябрьской революции.

Сегодня начинается по нашей Томской губернии „Неделя уюта красноармейца". В этой неделе мы задались целью улучшить условия существования наших красноармейцев во всех областях. Наша красная армия после тяжелой и продолжительной гражданской войны перешла на казарменное положение. Жизнь в наших казармах до сих пор довольно неудовлетворительная. Казарма до сих пор представляет из себя действительно казарму в самом худшем смысле слова. Необходимо эту казарму превратить в чистое, оборудованное, вполне отвечающее санитарным условиям общежитие для героев красной армии. Необходимо, чтобы у каждого красноармейца были постельные принадлежности, достаточное количество белья. Казарма-общежитие должна быть достаточно меблирована, с достаточным светом и теплом. Необходимо при ней создать хорошую культурную обстановку, организовать в самой казарме библиотеку, клуб, театральную сцену, драматические и музыкальные кружки и т. д.

Армия, вышедшая из народа, служащая интересам народа, душою и телом связанная с народом, должна ежечасно чувствовать на себе заботу самых широких масс нашей социалистической республики.

«Неделя уюта красноармейца» должна послужить началом к переустройству всей казарменной жизни и ее обстановки, в которой ныне находятся наши красные воины.

Представители томского пролетариата на общегородской конференции фабзавкомов уже высказали свои отношения к нуждам нашей красной армии. Конференция постановила для улучшения условий жизни красной армии отчислить от всех рабочих и служащих одно-двух-и трехдневный заработок, смотря по разряду получаемого жалованья, организовать по профсоюзным клубам спектакли, сбор с которых пойдет на ту же цель, провести сбор подарков красноармейцам от рабочих и служащих и т. д.

Таково начало, сделанное организованным томским пролетариатом для улучшения жизни и быта своих товарищей красноармейцев. Надо надеяться, что крестьяне нашей губернии и все честные граждане последуют примеру рабочих и служащих.

Долг всех спешить на помощь нашим боевым орлам!

Скорее все, в ком живы товарищеский долг, честь и совесть!

Скорее на помощь красному воину!

Оправдаем доверие.

Трудящиеся массы России неоднократно доказывали свою безграничную любовь красной армии. В период ожесточенной гражданской войны, когда полуголодными стояли рабочие у станков, стоило только пронестись кличу: „На помощь красноармейцу!" как они отдавали последние куски хлеба, последние рубашки для этой цели. И это понятно. Красная армия есть та часть трудящихся, которой республика поручает охранять ее спокойствие, ее границы от нападения врагов,—поэтому внимание к ней не должно и не ослабевает ни на одну минуту.

Теперь красноармеец нуждается еще во многом. Если у него есть шинель—нет сапог, есть топчан, нет матраца и много других еще вещей, которые крайне необходимы иметь воину гражданину. Ряд рисунков, печатаемых в сегодняшнем номере, лучше всяких слов говорит об этих нуждах красноармейца. В неделю уюта красной казармы наша задача—добиться того, чтобы все эти недостатки уничтожить. И мы не сомневаемся в том, что трудящиеся массы еще раз докажут преданность своему авангарду—красной армии.

Но и перед самим красноармейцем эта неделя выдвигает ряд задач, которые он обязан разрешить. Если республика и сами труженики отдают своей армии значительную часть сил и средств, то это делается для того, чтобы сделать красную армию—культурной и боеспособной. Из этого и вытекает обязанность воина-гражданина: учиться военному делу так, чтобы в самый короткий срок стать образцовым бойцом, а свободные от военных занятий часы посвящать клубу, читальне, библиотеке.

Мы твердим теперь на каждом шагу, что наша армия должна быть армией культурной. Это значит, что каждый красноармеец обязан знать, что творится вокруг него: он обязан быть во всех отношениях грамотным человеком. А возвратившись из армии к себе в деревню, на фабрику и завод, красноармеец должен принести туда свет знания, так как много еще сил и средств нужно затратить на то, чтобы вывести нашу страну из состояния темноты и невежества.

Учиться, грызть молодыми зубами гранит науки,—первейшая обязанность красноармейца.

В то-же время и о другом он обязан всегда помнить: как зеницу ока беречь народное достояние. Даже те сравнительно незначительные ресурсы, которые дает красной армии республика, составляют в общем в государственном бюджете значительную часть. Поэтому давать достаточное количество белья, портянок, и др. вещей республика пока что еще не в силах. И она требует от красноармейца как можно аккуратнее и бережнее относиться к своим вещам: шинелям, сапогам, белью и т. д. В неделю уюта трудящиеся постараются дать красноармейцам нитки, иголки и пр. принадлежности.

Добиться того, чтобы залатать дыру на одежде, если нет новой, держать себя аккуратней,—задача каждого бойца гражданина.

Трудящиеся массы России ни на одну минуту не забывают о красной армии, и в начавшуюся неделю уюта они лишний раз это докажут. Обязанность красной армии оправдать доверие республики.

Утроим-же свои силы на фронте военной учебы докажем, что красная армия и рабоче-крестьянские массы—одно неразрывное целое.

Л. Н.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ—КРАСНАЯ АРМИЯ.

Этапы.

1918 год.

— Стой, душа с тебя вон!
— Виноват господа... Позвольте...
— Стой, тебе говорят!
— Товарищи, отпустите: мать у меня заболела, товарищи...
— Никаких чтоб матерей!!!
— Товарищи...
— Теперь товарищи, а раньше не товарищи?! Фатит, довольно—попили уже... Сымай, Митька, ленту пулеметную, глуши буржуя бомбой.
— Арестовывай его со всех концов...
— Кар-р-р-раул!..
— Чего орешь? Старого прижима захотел? Чего ты караул кричишь? Нет у нас никакого караулу. Понял? Партизанцы мы и никаких гвоздей.
— Правильно!
Долой чтобы и никаких!..
— Да здравствует долой!..

1919 год.

Товарищи, красные бойцы, призываю вас к порядку! Откажемся, товарищи, наконец, от партизанщины, разлагающей наши товарищеские ряды. Пусть...
— Пра-а-а-вильно!..
Товарищи! Нам необходимо еще больше сплотиться в регулярную армию, которая одна только, товарищи, сумеет разорвать стальное кольцо окружения...
— Долой!..
— Кто сказал: долой?
— Я!
— Почему вы, товарищ, сказали долой?
— Потому теперь—свобода, которая завоеванная!..
— Правильно!..
— Которые нашу трудящую кровь пили...
— Правильно!..
— И которые пролетарьяту дыхать не давали... Мы все понимаем: которое, кому и чего!..
— Вот это да... Это по-нашему!..
— Правильно... Бра-а... Как есть, правильно!

1920 год.

— Товарищи, перво-на перво темноту нашу долой! Красноармейцу без сознательности никак невозможно. Откуда-же сознание? От грамоты. Вот это ты и сообрази.
— Мы, товарищ политрук, очень превосходно все это понимаем. Из боев, гляди, не вылазим, а без дела разве сидим. Мостов сколь напочинили, и вообще стараемся насчет подмоги братьям крестьянам.
— Само собой: кто мы есть такие, рабоче-крестьянская красная армия—трудящаяся защитница.
— Сами ж мы рабочие и крестьяне
— И никаких...

1921 год.

— Ну, товарищи, адью с демобилизацией...
— Счастливо...
— Смотри не зевай. Крепче винтовку в руках держи. Винтовка—боевая подружка наша. Помни!
— Будьте благонадежны. Не подкачаем! Поглядывайте и вы, братцы, чтобы на местах порядок был, чтоб никаких тебе недовольствиев на власть... Подтяните кого следует!
— На том стоим! Самовольство или несознательности ни-ни! Искоренять. Ее то—письмо военкому, да в конверт...
— А уж он кого надо—в конверт, да в ящик...
— Ну и сами растолкуйте, что и как.
— Будьте благонадежны, не темные мы, до всего дойдем, все до точки раз'ясним.

1922 год.

— Вы чего, товарищ, изучаете?
— Азбуку.
— Как, то-есть азбуку?
— Да, ведь, не простую—коммунистическую.
— То-то. А мы тоже уж за Энгельса взялись.
— А у нас политэкономии во сколько отнятали...
— Одна, братцы, беда—учиться самая охота, а времени никак не хватает.
— Разве вот к военкому сходить—может схлопочет, чтобы сутки для нас часов на двенадцать увеличили?
— Отчего же, сходи... Военком—он все может!
— Ан не все. Сутки во всем мире на одну колодку сделаны.
— Аа, врешь... Откуда знаешь?
— А из космографии...
— А вон у Рубакина...
...Учеба...

Л. Митницкий.

ИЗ ДНЕВНИКА СОЛДАТА.

1 декабря 1915 года.—Сегодня меня учили, как и кому отдавать честь. Кто враги внешние и кто внутренние. „Внутренние враги—воры, [illegible], жиды и скубенты" говорил [illegible].

Вечером пришел в роту [illegible] Бедняков с разбитым носом и [illegible] рожей. Это его так [illegible] рожа ротного командира,—[illegible] чистил ей башмаки.

Апрель 16 года. Я в учебной команде. Мой друг Бумажкин получил от капитана Круглова несколько пощечин за то, что отдал честь, не становясь во фронт.

Несов с бачком в зубах ходил гусиным шагом в проходах казармы и кричал: «Грязный бак!»

Деревенцев, мой товарищ по отделению (плохо давалась ему словесность), кричал в толпу печи: «Я, дурак не знаю словесности!» А позади него стоял взводный с ремнем.

Я, по приказанию начальства, согнув руки в локтях, с сапогами в губах, выплясывал «бег на месте» и приговаривал: «Пыль на сапогах, пыль на сапогах».

Май.—Я получил 4 часа под винтовку,—не добавил титула спрашивавшего у меня словесность офицера.

Несову фельдфебель выбил 2 зуба.—Неповоротлив он был в строю.

Январь 17 года.—Меня судили полковым судом за то что, в моем сундучке нашли газету «Биржевые Ведомости» и запрещенную книжку. Приговорили к трем месяцам штрафной.

Март.—Офицерство скрылось. Мы быстро собрались на демонстрацию. С красным знаменем, казалось, я летел. В улицах города народ, завидев нас, стал разбегаться, они думали, что мы будем их расстреливать, как и прежде. Мы закричали им ура. Полетели в воздух шапки. Хотелось еще что-то крикнуть, но слезы радости сдавили горло.

Май.—К нам в полк приезжают один—за другим ораторы. Требуют, чтобы мы пошли в наступление. Солдаты против. Началось с немецкими солдатами братанье. Своя артиллерия стреляет по нам. Разгонят.

Июль.—Получил письмо от Бумажкина. Он на северном фронте. Пишет: «Сижу в тюрьме. Жду суда. Наш полк отказался итти в наступление. Нас, разоруженных, окружили казаки, погнали к болоту. Орудийные снаряды своих батарей уничтожали нас. Многие перетонули в болоте. Очень немного осталось живыми—посадили в тюрьму».

Август.—Я тоже арестован за распространение газет: «Правда», „Окопная Правда" и «Набат». Немецкая канонада гремит беспрерывно. Наши солдаты требуют мира, многие разбежались с фронта.

Декабрь—Перемирие на всех фронтах. Крыленко вызывает добровольцев против Каледина. Наша часть пошла первой. Каледин разбит.

Январь 18 года—многие из товарищей уехали домой. Я остался в красной гвардии.

Март—Командую отрядом красногвардейцев. Все необученные рабочие. Одеты во что попало. Сдерживаем напор германского наступления на столицу. Командовать трудно. Дисциплины нет.

Июнь—В рядах красной армии веду бой с колчаковцами. Красная армия дисциплинируется.

Апрель 21 года—Войны нет. Я поступил в военную школу. Это не бывшая учебная команда, это не школа прапорщиков, нет! Это школа пролетарской армии. Я не вижу здесь хождения гусиным шагом, крича в печь: «Я дурак». Я не вижу стоящих под винтовкой. Не наблюдаю пощечин и многих издевательств в царской армии.

Вежливость, товарищеские отношения и сознательность спаивает нас.

Ноябрь 22 года. Много успел изучить разных наук и военное искусство. Было много общих собраний. Делались доклады о положении страны, нашей армии и о многом другом. Слушали и критиковали доклады представителей местных властей, в том числе и председателя губисполкома... иногда сидишь на докладах' думаешь и хочется крикнуть:

«Скажите, когда это было, чтобы солдату делали отчетные доклады власти?

Скажи мне, царский служака: учили ли тебя, как управлять страной, устраивать ее хозяйство?

А наш клуб!? Прежнюю семинарскую церковь, где из алтаря распускалась ложь, порабощение, мы превратили в клуб. На сцене я вижу актерами своих товарищей курсантов... З—ц.

Привал.

Алый стяг
взметнув высоко,
чрез крови омут
трупами мост мостя,
пробивали штыком
наш путь к иному
Павший знал:
мира народы
пойдут за нами.
Сейчас привал,
отдых,
но битвы хранит память
Путь долгий.
Буря, ненастье.
Небо единственный кров.
Волки
щелкают пастью
вкруг нами [illegible]
костров.
Напрасно!
Зоркий
сторож не сходит
с поста.
Красная
скоро в Нью-Йорке
вспыхнет звезда.
Ухом к земле!
Что гром
пред шагов несчетных
ударами!
Первой во след
с четырех сторон
новые красные армии!

Н. Яковлев.

АРМИЯ, ОХРАНЯЮЩАЯ ОТ ВОЙНЫ.

Все прошлое буржуазных государств характеризируется, как время „вооруженного мира". Как будто в интересах мира производилось неслыханное по своим размерам вооружение и делались приготовления к войне.

Строились колоссальнейшие военные суда—дредноуты, создавался [illegible] [illegible] служить „пушечным мясом" для всех этих технических изобретений. Это происходило из года в год во всех странах мира. Все и все готовилось к войне.

Армия в капиталистических государствах—это символ войны, крови и разрушения.

Раз существовали вооруженные до зубов армии, то наряду с ними все время висела угроза столкновений этих армий. Возникшие войны порождали новые, и человечество беспрерывно находилось под опасностью кровавых бойн, носителем и действующей силой которых были капиталистические армии. Такому положению не видно было конца, ибо оно порождалось сущностью капиталистической системы. Необходимо было уничтожить эту систему, избавиться от ее подкладки, от частной собственности. Иными словами—необходимо было совершить социальную революцию.

Эту революцию совершили русский пролетариат и беднейшее крестьянство и на развалинах старой царско-капиталистической армии создали свою красную армию. В этой армии нет мертвящей дисциплины. Ее сила не в ее темноте, бессознательности или опьянении. Эта армия сильна [illegible] своей величайшей [illegible]

Это единственная армия в мире, которая несет с собою не бесконечное разрушение, стоны, слезы, смерть, горе, а радость и счастье всему человечеству.

Капиталистические армии — это новые вооружения, обнищание народных масс, непрекращающаяся угроза войной. Красная армия—это залог прекращения и уничтожения всяких войн.

Теперь после окончания гражданской войны, когда наша красная армия демобилизована и сокращена до минимума, мы обязаны всеми силами пропорционально улучшить ее качественно, до максимума поднять ее боевую способность.

Забота о нашей красной армии нас не должна оставить ни на минуту. Всякий, кто хочет сохранить мир и спокойствие, должен способствовать усилению и укреплению наших красных полков. В „неделю уюта красноармейца" мы должны доказать свою сознательность.

Д. П.

Казарма—школа.

(О политпросветработе в красной армии.

Красная армия — есть армия рабоче-крестьянская, не с огромнейшим преобладанием в ней крестьянского элемента. Мы же знаем, что крестьянство в массе своей неоднородно: правый фланг его занимают кулаки, левый—беднота, [illegible] является [illegible] диктатуры пролетариата. Большинство же крестьянства состоит из середняка, имеющего свое хозяйство и не эксплоатирующего чужой труд, и этот-то середняк, все время колебавшийся между бедняками и кулаками слой и составляет основное ядро нашей армии. Вполне естественным является, что этот фактор вызвал к жизни существование грандиозного по своей работе и задачам политико-просветительного аппарата, задачи коего в основном были и есть следующие: 1) неустанная политработа для постоянного раз'яснения целей и значения гражданской войны, ознакомление со сложной международной обстановкой и политикой советской власти, а также и с вопросами внутреннего быта красноармейцев, 2) планомерная и методическая работа просветительного характера, начиная с азов, с обучения безграмотных и кончая разного рода общеобразовательными курсами и школами до школ II ступени включительно.

В период острой гражданской войны безусловно преобладала политработа, как работа момента.

Бесспособность красноармейца росла пропорционально росту сознательности,—т. е. понимания, за что они сражаются,—красноармейских масс, а это обстоятельство было верно учтено теми, кто стоял во главе политорганов, и мы помним, что 19 и 20 годы характеризуются грандиозным [illegible] [illegible] просвещение всей армии, для того, чтобы она понимала, во имя чего-же она идет на смерть, ибо это понимание послужило залогом успеха в борьбе с Колчаком, Юденичем, Деникиным, Врангелем и Польшей.

Свет, рост сознания вооруженных масс—вот условие всех успехов армии рабоче-крестьянской, вот залог ее силы и победы.

Но было бы ошибкой думать, что в этот период, период суровой борьбы на бесчисленных фронтах, прошел бесследно для просветительной работы.

Вот несколько цифр характеризующих ее из доклада т. Троцкого на 7 с'езде советов 7 декабря 1917 года. Он говорил: «В январе этого года у нас в армии не было ни одной школы грамоты, а теперь—3 300. До января у нас было 32 клуба, а теперь 1.315. До 1 января не было ни одной подвижной библиотеки, а теперь—3.392. Эта работа вернет в деревни, на заводы и фабрики людей, которые будут двумя и тремя головами выше тех, которые пришли из деревень, фабрик и заводов в армию».

Таким образом красная армия не только спасла завоевания революции, но она явилась могучей школой практического воспитания сотен тысяч трудящихся, призванных в ее ряды, ибо тут наравне с об'ективным воздействием хода вещей действовал и об'ективный фактор,—*планомерная и сознательная работа коммунистической партии.*

С переходом армии на мирное положение вся политпросветработа безусловно приняла характер отличный от периода гражданской войны.

Если тогда мы видели [illegible] политработу в [illegible] поверхностной агитации, то в [illegible] время видим углубленную и систематическую политработу на основе общего развития красноармейской массы. [illegible] в тот период приходилось агитировать среди неграмотных, ибо не было времени для обучения в боевой обстановке, то теперь, прежде чем начать работу по политразвитию красноармейцев, их сначала учат грамоте и дают начала тех общих знаний, кои необходимы как прочный фундамент для действительного усвоения политических знаний.

И в связи с этим обстановка мирного момента вызвала и поставила на почетное место *работу просветительного характера.* Приведенное в докладе т. Троцкого число школ, библиотек и клубов выросло до грандиозных размеров, к концу 21 года не было самой маленькой части, где бы не было школы, клуба и библиотеки.

Такой стихийный рост, несоразмерный с нашими материальными и культурными ресурсами, сыграл огромную роль и показал, насколько наша армия *хочет учиться*, и в этом ее заслуга.

Но мы были бедны и пришлось число школ, клубов, библиотек сократить, чтобы не распылять силы и не разбрасываться.

С этим периодом совпало и сокращение армии. 22 год был посвящен большой организационной работе по введению в нормальное русло всей политпросветработы. Были пересмотрены штаты, намечены ударные пункты, пересмотрены самые методы различных видов работы. Во главу угла была поставлена работа по ликвидации общей безграмотности. Первым сроком ее был назначен Троцким 1 мая, ко дню интернационального [illegible] пролетариата. Работа эта велась в ударном темпе, и к 1 мая неграмотность по республике была ликвидирована приблизительно на 95—100 проц. В конце же июля в связи с призывом 1901 года в части вновь влилось солидное количество неграмотных, обучить коих предположено к 1 января 1923 г. Второй по ударности работой была работа по окончательной организации клубного и библиотечного аппарата. В той или иной степени, но с ней справились, и 7 ноября клубы и библиотеки заработали на новых началах.

И чем дальше, тем работа принимает все более и более плановый, календарный характер, что дает полную уверенность в том, что политпросветработа справится со своими задачами и сумеет из «гражданина с винтовкой сделать достойного и культурного гражданина первой в мире республики трудящихся». В заключение нам хочется несколько слов сказать о схеме самого аппарата этой работы, открыть дверь в ту лабораторию, где из неграмотного «Ванюхи» приготовляют сознательного бойца и гражданина.

Политические отделы фронтов, армий, дивизий, бригад, разного рода полит-органов представляют обширную организацию, имеющую свои разветвления по периферии до роты (взвода) включительно (политрук). Все эти организации ведут политическую и просветительную работу в клубах, школах грамоты, курсах, партийных школах, в театрах, кинематографах, посредством лекций, собеседований, кружков, газет устных, стенных и печатных, брошюр, листовок и т. д. Для этой цели они снабжены обширным аппаратом с отделами по различным видам работы.

Весь этот аппарат имеет централизованное управление в лице ПУР'а (Политического управления республики), *непосредственно подчиненного ЦК партии.*

Помимо своей непосредственной работы (политико-просветительной) он ведет большую работу административного характера: 1) учет и распределение политических и культурных сил армии, 2) назначение и перемещение их, 3) постоянное инструктирование нижестоящих органов, 4) главнейшая работа—составление политсводок и информирование об общем политическом состоянии армии и 5) постановка партийной работы внутри красной армии.

За 5 лет этот аппарат отлично справился с работой, и этот факт говорит за то, что *он необходим* и что дальнейшие этапы своего существования он пройдет с таким же успехом, как и моменты величайших военных испытаний республики и периоды больших организационных ломок.

П. Шептухин.

Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета http://vital.lib.tsu.ru

Так живут борцы за власть трудящихся.

Красная артиллерия.

Артгородок.

Представьте себе два-три десятка кирпичных красных корпуса, загороженных высоким, местами разрушенным, забором—это будет военный артиллерийский городок. Лицевой своей стороной (фасадом) он обращен к городу. Здесь высокие, настеж раскрытые ворота, не приветливо, по казенному, возвещают, «добро пожаловать». Вход свободный. Нет обычной проверки документов. Лишь красное знамя на воротах напоминает о том, что здесь расположена красная артиллерия.

Тыловая сторона городка, где на месте разрушенного забора образовались снежные горбинки, смотрит в далекую снежную даль.

Корпуса выглядывают одинаково печально. Лишь изредка бросается в глаза вывеска «Военная кооперативная лавка», «парк» или номер. Некоторые из корпусов выделяются, видно, не жилые: То разбитое стекло, то разрушенная рама—не дошла еще к ним очередь.

— Товарищ! А где здесь у вас штаб?

— Двенадцатый корпус.

Двенадцатый корпус найти не трудно. Цифра «12», наклеенная на высоте 3-го этажа, дает возможность быстро [illegible]. Даже безграмотный из [illegible] в ответ на ваше указание не без обиды произнес «два-а е-ем»...

На своем посту.

Вот кабинет начальника артиллерии 21 дивизии, т. Каника. Отсюда исходят все распоряжения по «неделе уюта». Но нельзя сказать, что здесь уютно. Два письменных истертых, не первого года службы, стола, к ним два больших мягких кресла и бумага на столах—вот и вся обстановка, в которой работают отважный молодой начальник и его секретарь.

— Мы проводим у себя «неделю уюта», медленно расхаживая из угла в угол, рассказывает он нам: «впрочем сами посмотрите Скоро придет комендант—он поводит вас по казармам. —Наш разговор перерывает пожилой высокий мужчина в длинной барнаульской шубе.

— Можно к вам, товарищ начальник?

—„Пожалуйста—я вас звал. Можно надеяться, что баня будет отремонтирована ко вторнику?

— Что вы, что вы, товарищ начальник?!. Никак невозможно!.. Еще только печка сложена... Работы уйма...

— Надо принять все меры, чтобы баню открыть в „Неделю уюта“: так нам обещано было губвидом. (Пожилой мужчина—производитель работ от губвида).

Начинаются торги. Одна сторона день прибавляет, другая убавляет.

— Итак, решено!.. В среду топить будем баню...

Да. Не много не мало. Всего несколько дней,„ и красноармейцы почувствуют заботу своего красного командира.

Египетская работа.

Наконец, пришел комендант, так сказать—военный хозяйственник. Да, именно так. Несмотря на его военную выправку, на лице у него не меньше заботы, чем у любого предсовнархоза.

— Вы очень некстати, товарищ, сказал он, вежливо пожимая мне руку: «Я как раз собрался в губвид. «Неделя уюта»—знаете. Впрочем, если не надолго, то... идемте.

Мы вышли на улицу.

Наше посещение, как представителей печати, произвело на коменданта ободряющее впечатление. Пока мы приближались к длинному трехэтажному [illegible] пусу, он вводил нас в курс [illegible] ного состояния.

— Египетскую работу мы пр[illegible]. Если бы вы посмотрели, что [illegible] здесь раньше, после того, как мы [illegible] отсюда колчаковцев, вы не узнали [illegible] казармы. Квадриллионы надо было затратить на ремонт. А все сделано своими средствами и силами.

По одному типу.

Входим в казарму. Впереди большая свободная комната. Плотно к левой стене приставлены один возле другого несколько столов. У противоположной стены два орудия, обращенные дулами к выходу.

— Здесь временная столовая Общую столовую мы строим отдельно. Тут же помещение для гимнастических упражнений.

В следующей комнате, отделенной капитальной стеной, но тоненькой, просвечивающей дверью, сама казарма. Расставленные в четыре ряда с широким проходом посредине и аккуратно покрытые темно-серыми одеялами топчаны; пирамида с винтовками; четыре по углам голландки, покрытые черной жестью; красный уголок, и несколько революционных лозунгов, написанных жирными буквами—вот вся обстановка и внешний вид казармы всех частей, расположенных в городке.

— Получили мы на всю артиллерию 100 досок,—отвечает комендант. «Сами знаете—это капля в море. В гаубичном нет еще топчанов.

— Нам хоть бы штук пятнадцать.

— Пятнадцать—не пятнадцать, а кое-что перепадет.

Подходим к красному уголку.

— Литературы мало. У нас все молодняк. Одних брошюр мало, чтобы заинтересовать их чтением. Надо бы немного беллетристики...

Отрадное впечатление от школы разбивается о множество недостатков и жалоб начальника и его сотрудников.

Заходил ли хоть раз шеф в эту уютную казарму? Если бы он хоть раз посетил ее, он нашел бы безгрешным сократиться у себя на две—три совбарышни, чтобы хоть сколько-нибудь помогать школе.

Ремонт идет.

Кухня, баня, столовая и другие пристройки находятся под ремонтом. Горы мусора, развалины, грязь—как бывает во время ремонта. Он производится частью собственными силами, частью губвидом.

Арестованные—человек 20—на время ремонта помещаются в маленькой клетушке. Тут же в передней, где ремонт еще не закончен, караульная команда.

— Вы за что арестованы?—спрашивает комендант одного чрезвычайно оборванного красноармейца.

Арестованный отвечает.

Комендант обращает наше внимание на его одежду, добавляя: «обмундирования не хватает».

Клуб.

Клуб занимает казарменное помещение в одном из корпусов на третьем этаже. Первая комната занята под читальню, а вторая под зрительный зал. Обстановка в той и другой комнате убогая, на половину свободная. Неуютно. Заведывающий клубом затушевался

— Недостатков у нас много. Скамеек не хватает. Нет декораций. Мало литературы. Получаем ее очень редко—раз в [illegible] месяца.

[illegible]оральную поддержку.

[illegible] всего о [illegible] казармы, [illegible] ершенно уы[illegible] [illegible]но указывая о [illegible] работе которую пр[illegible] казарма своего благоустройст[illegible] одно то, что можем говорить уже о мелочных недостатках, само собою говорит за то, что «собственные силы» сыграли большую роль в улучшении казарменного быта Казарма—один из лучших образцов хозяйственного строительства собственными силами. Помощь извне будет поддержкой не столько материальной, сколько моральной.

Бор. Г—к.

„Красный уголок“.

Видите: читают при свечке.

Если у вас есть испо[illegible]ченная электрическая лампочка, отдайте ее сборщику.

Красные казармы имени Смирнова.

6 ч. вечера. Освещенные корпуса казарм смотрят величаво и как будто приветливо.

Здесь живут те, кем так гордится республика, кого так любят и ценят трудящиеся, во имя кого брошен лозунг: «В[illegible] кр[illegible] армия»!

С любопытством, смешанным с невольным уважением, вхожу в казармы. На лестнице темно. Навстречу бегут несколько красноармейцев, и один бросает мне вслед: „Зачем то интеллигенция к нам пожаловала“ ([illegible]). В голове вопрос и какая то затаенная злоба. Подымаюсь выше. Вхожу. Спертый воздух сдавил дыхание. Полутемно. (Одна лампочка в 50 свечей на всю роту)... На нарах копошатся люди: на твердых скамьях без матрацев, под головой мешочек, кое-кто в шинелях, в отрепьях, в шапках... Иду дальше. Вот красный уголок... Несколько человек, взвалившись на [illegible], в шинелях и в шапках, дружно хохочут—они решают шараду.

—„Что, товарищи, здорово холодно здесь“?

—„Нет, ничего—мы привыкли“.

В некоторых ротах—много, недавно прибывших из деревни товарищей: босые (буквально), вместо брюк, какие то лохмотья, без шинелей, в грязном белье.—

Делается стыдно, хочется что-то сказать ему... Объяснить... нет слов — [illegible] ым сердцем, с сознанием какой то вины, прохожу дальше.

—«Почему здесь холодно, разве не топят»?

— Вместо 12-ти печей, топят 4, да и те плохо отремонтированы. Угля тоже мало“.

Следующая рота. Вместо нар-топчаны и [illegible] кровати. На полу [illegible], тепло—печи лучше отремонтированы, как будто отраднее—но и здесь не у всех матрацы. В проходе между топчанами едва можно встать, да и то не везде. На одной кровати стонет товарищ

—«Что с вами»?

—„Рука болит—спать не дает“.

Смотрю—нарыв. Рука грязная.

—«Вы умываетесь когда нибудь»?

—«Нечем вытираться, когда и умоешься—шинелью, али брюками вытрешься—полотенца нет».

—«Лекпому вы руку показывали»?

—„В кои то веки его здесь увидишь“.

И такие картины везде во всех казармах.

Глухая покорность... Иногда гордое сознание своего превосходства, своей силы, необходимости, уверенности в лучшее будущее, они верят, что их по[illegible] и вот вот придут им на помощь [illegible]—разоренное государство не может дать им все необхо[illegible] [illegible].

В[illegible]т столовая. Большая [illegible]. Пусто. Вдоль стен—длинные [illegible].

„Ежели нет мо[illegible]—[illegible] да и то лишь те, у которых [illegible] шинели. Остальные едят [illegible]. Здесь, разве, натопишь“, объясняет мне один товарищ. Он в представить не может, что эту столовую должно и можно отремонтировать, натопить, чтобы можно было сесть за стол, сняв шинель и шапку.

«Красноармейцам необходимо дать носовые платки, зубные щетки, мыло»...

Это так. Безусловно все это нужно. Но прежде надо дать обстановку, в которой он бы мог почувствовать всю прелесть применения названной гигиенических приспособлений. Дать возможность ночью раздеться и не просыпаться от холода.

Они ждут.

Г.

Красноармеец нуждается во многом: в одежде, в обуви, в постельных принадлежностях

В неделю уюта мы должны устранить эти недостатки.

Артшкола.

Дом Науки. Здесь помещается артиллерийская школа Поднимаюсь по лестнице, а в голове сверлит невольно мысль: «Чье то око бдительно следит за чистотой». Комната дежурного по школе.

«Без разрешения начальника школы [о]сматривать, я разрешить не могу»; [illegible]тся вежливо-категорический ответ [на и]зложение причины моего посещения. [Ра]зрешение получено. Вместе с дежур[ным] по школе идем ее осматривать.

[В]от клуб. Прекрасно обставлен. Ни [illegible] пылинки. Сцена. Здесь же чи[illegible] Курсанты приходят сюда для [illegible] отдыха после занятий. Они [illegible] здесь все свободное время. [illegible] несколько человек за[illegible] [illegible]ваются. Они чувствуют се[illegible] [illegible]альня Большие комнаты [illegible] них помещаются около 80 [illegible]. Аккуратно составленные койки, [illegible]стланы. У каждой койки столик, [illegible]ка с обозначенной фамилией курсанта. У каждого есть полотенце. Свет[ло] [те]пло. Чисто. Если все здание про[изводи]т приятное впечатление своей [illegible] обстановкой, то, спустившись в [illegible]у, впечатление несколько меняется. Если все помещение школы производит впечатление приличного общежития, то столовые опять напоминают о казарме. Не очень светлая комната. Длинные столы, окруженные скамейками, стоят рядами. Пустые столы; но царящая здесь чистота сглаживает дурное впечатление На кухне, в столовой, в спальнях—везде следы внимательного отношения руководителей школы Сделано все для того, чтобы придать общежитию курсантов уютный вид. Приятно отметить, что хотя бы немногие части нашей армии имеют возможность в гигиеничной обстановке использовать для учебы мирное время.

Инженеры.

Будущие военные инженеры курсанты инжшколы—их можно встретить на всех парадах, летом под желтой шапочкой. Зимой они в черной защитного цвета с большой красной звездой. Как они живут и воспитываются? На первый взгляд кажется, что громадный корпус быв. учительского института хранит в стенах своих эту тайну. Туда и проникнуть не так уж легко. Особенно в вечернее время. Без мандата у нас не пропустят. Да и проверят тщательно в нескольких инстанциях

Но там, в самом корпусе—душа нараспашку Всякий к вашим услугам. И жалобы,—конечно нет!

—Мы знаем, насколько трудно все достается.

До чванства доходят рассказы курсантов о своей школе, жизни и ученье.

Постоянный уют.

— Посмотрим первым долгом общежитие —после окончательного установления моей личности сказал сопровождавший меня курсант. Он открыл дверь и любезно пустил меня вперед.

Чистота и уют. Обстановка напоминает собою хорошо устроенный военный госпиталь. Аккуратно убранные кровати (топчаны) покрытые темно-серыми одеялами несколько столиков между кроватями, таблички у каждой кровати с обозначением фамилии и других сведений о ее владельце полки для книг и т. д На столиках, на полках, а у других на кроватях (не хватает столов) сложены книги и чертежи.

— Порою приходится рисовать на кровати, стоя на коленях. Стульев нет.

— Вот еще неудобство—нет вешалок. Мы изобрели способ свертывать шинели, но это не вполне чистоплотно.

Впечатление от общежития самое отрадное. Правда, в одной большой комнате недостаточно света. Всего одна лам[па на] всю комнату. У боковых стен [illegible]

[— Не]но холодно здесь у вас?

[— Не]т, теперь нет. Стекла вставили, [illegible]ение исправили, и уж не так [illegible] Сносно.

Собственными силами.

В библиотеке меня познакомили с секретарем ком ячейки т. Грошевым.

— Все то, что вы видите у нас хорошего, надо отнести к стараниям„ нашего военкома т. Левушкина. Благодаря ему у нас отремонтировано отопление, вставлены стекла в рамы.

— Вот в фойэ, где мы устраиваем уголок отдыха, потолок чуть не свалился. Вы видели там производят ремонт? Мы подвили железную балку. Собственными средствами мы все это сделали. Курсанты на время отпуска отказались от пайка и эти средства мы употребили на ремонт.

— Вы спрашиваете о шефе? Откровенно говоря, мы его не знаем. Он в Новониколаевске, сиблестрест Присылал нам раза два подарки—больше мы о нем ничего не знаем. Даже сведений мы собрать не можем. Он не отвечает на наши запросы.

В казармах мало мебели.

Нет посуды.

Мы спустились вниз, в кухню. Рядом с ней расположена столовая Четыре длинных стола, скамейки„ и ничего больше. Чисто.

— Нас 260 человек, а обедать приходится частями по 50—60 человек. Посуды нет. Есть у нас штук 50 глиняных чашек. Из них и чай пьем и щи хлебаем и кашу едим. В ожидании обеда теряешь все время, предоставленное уставом для отдыха. Получайте сами? У нас время распределено с чрезвычайной пунктуальностью. Обед же у нас растягивается на четыре очереди.

На прощание тов. Грошев снова по[illegible]

— Передайте тем, кто интересуется нашей жизнью, что мы смирились со всеми недостатками. Все же очень уж нас угнетает недостаток посуды.

Худо ли, хорошо ли—но мы научимся здесь, хоть военному, а все же инженерному искусству. Пригодимся будущей России.

[illegible]обмундирования.

Нужно дать не меньше:

белья—5000 пар, обуви (сапоги или ботинки)—500 пар, гимнастерок—500 шт., шаровар ватных—100 шт., телогреек—500 шт., суконных портянок—500 шт., поясных ремней—500 шт., шинелей—99 шт., полушубков—300 шт., валенок—300 пар, папах—200 шт., носовых платков—7000 шт.

77 дивизион Т.П.У.

Красноармейцы встречают сочувственно Первое время мнутся но через несколько минут разговор оживляется.

„В общем казарменное положение у нас хорошее. Вот постельные принадлежности только подгуляли: вместо всего—пустые мешки».

Другие вспоминают, что лампочек электрических не хватает, и в некоторых комнатах приходится сидеть по вечерам в темноте.

«И провода есть, и патроны—все дело за лампочками“, замечает сидящий рядом со мною красноармеец.

Товарищи а на счет умывальников то?,—говорит кто-то.

«Правда! Правда!“ слышится со всех сторон Умывальников нет—один кран на всех; другой раз спешишь и умыться-то толком не успеешь. Умываешься, а вокруг тебя стоят товарищи и ждут очереди»

Под конец, как о роскоши, говорят о газетах.

«Маловато нам их—не хватает. Иной раз местную-то на третий день после выхода в руки получишь. Ну, а в остальном все в порядке. Вот и все наши нужды“.

Прощаюсь и ухожу.

Дившкола.

Политрук проводит прямо в помещение, и сразу же бросается в глаза отсутствие какой либо мебели, кроме коек. Курсанты сидят на постелях и любуются лихим трепаком одного из товарищей, который действительно, выделывает мастерски коленца под звуки гармошки.

С первых же слов о мебели говорят: „Вот сами видите, товарищ:—ни столиков нет, ни скамеек: неудобно, ведь так то все свободное время не только сидеть, и спать тут же и кушать..“ Нельзя не согласиться.

„А потом караульное помещение у нас такое что просидишь там сутки и выйдешь оттуда, как селедка, прокопченый?»

„Как так?“ спрашиваю я.

„Да дело в том, что печка там неисправная, поставили железку, и дымоход пустили опять таки в ту же печку, ну и дымит конечно, как баня по черному топится“.

„Да, это правильно,—хором подтверждают остальные:—«мученье прямо с этой караулкой—кашлять от нее некоторые даже стали“.

Наученный прежним опытом, спросил всех о постельных принадлежностях и освещении. С постелями, оказывается, дело обстоит хорошо. Попробовал кто-то пожаловаться—на солому, но остальные дружно запротестовали

„Нечего зря говорить. Сами, ведь, знаешь, что недавно меняли. А вот в столовой то у нас, правда за ужином хоть в жмурки играй—лампочки нету; провода есть и все равно в темноте ужинать приходится.

„Ложки то, понятно, мимо рта не пронесешь, но все таки в темноте не удобно“.

Подробно и обстоятельно рассказывают дальше о своем клубе:

„Клуб у нас есть, есть и желание в нем работать. С удовольствием принимали бы все участие в его жизни, да опять остановка из-за мебели: нет ее ни для сцены, ни для партера.

На прощанье вспоминают еще несколько „мелочей»: не хватает умывальников, чайников и другой посуды».

«Есть оно да что толку-то в ней: вся проржавлена и течет.»

„Ну, кажется все. Вот если бы все, что сказано, да устроить удалось, эх, хорошо бы было».

На том и расстались.

В 25-ой имени Томгубкома пехшколе.

Входим в школу.

На коридорных сводах читаю:

«Красная армия—меч в руках пролетариата. Он должен быть хорошо закален».

И в 25-й имени Томгубкома пехшколе он„ так хорошо закаливается, несмотря на недостаток равных, в том числе и очень существенных принадлежностей для его закалки.

Школа помещается в здании бывшей духовной семинарии.

Клуб.

Захожу в клуб

Огромный светлый зал—бывшее помещение домовой семинарской церкви. Сцена, ряды скамеек.

Над сценой—портрет вождя красной армии—т. Троцкого. По стенам—портреты Ленина и других вождей пролетариата, картины из военной жизни.

Здесь—отдых курсанта.

И отдыхая,—он воспитывается.

Библиотека и читальный зал.

Из читального зала не ушел бы: так там чисто, светло, уютно. Три комнаты. Мягкая мебель. Всюду книги, газеты, журналы.

— Все сами устраиваем...—мельком бросает курсант.

Под входе—надпись:

„Курсанты, воспользуйтесь перерывом между занятиями для того, чтобы пойти в читальню, почитать новую газету и взять из библиотеки полезную книгу“.

Входишь в первую комнату и—с противоположной стены прямо на тебя глядит Л. Толстой во весь рост.

По другим стенам—неизменные спутники пролетария Ленин, Троцкий и др., а среди них—Некрасов, Достоевский... Под портретом Достоевского—его слова:

«Я догадался, что власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее».

Еще плакат:

„Грамотность—оружие нашей победы. Этим оружием должна владеть красная армия так же, как винтовкой, и шашкой, и пулеметом“.

И курсанту пехшколы для этого предоставляется полная возможность: книг в библиотеке—25.000 томов и открыта она два раза в день: от 1 до 2½ час. и от 6 до 9 вечера.

Столовая

Столовая расположена в нижнем этаже, под сводами.

Столы покрыты скатертями. За каждым из них помещается по 10 курсантов.

Курсантов кормят сытно.

Общежитие.

В общежитии [illegible] все курсанты: и пулеметная команда, и три роты.

Каждому—койка, тюфяк, подушка, одеяло. Около коек—ночные столики со шкафчиками.

Общежития расположены и в первом, и во втором этажах.

Классы.

В помещении пехшколы классных комнат нет: для классных занятий курсанты ходят в здание гимназии на Ново[illegible] улице

Газета «Юный Курсант».

Курсантами издается своя газета «Юный Курсант».

Издатель—ячейка РКСМ. Формат газеты—два склеенных писчих листа. Печатается—на машинке. Статьи, стихотворения.

Для чтения вывешивается на доске на площадке коридора.

Кооператив.

И свой кооператив имеет пехшкола. Продает—табак, сливочное масло, белый хлеб, сыр и проч. Цены, конечно, значительно дешевле базарных.

Состав курсантов.

Пехшкола существует с 28 декабря 1919 года. По штату положено 550 учащихся.

Нынешний состав по социальному положению: рабочих—31 проц., крестьян—61 проц. и 8 проц.—прочих сословий—детей трудовой интеллигенции.

Партийная принадлежность: 35 проц.—коммунистов, 15 проц.—комсомольцев и 50 проц.—беспартийных.

Возраст: 48 проц.—до 20-летнего возраста, 49 проц.—от 21 до 25 лет, 3 проц.—свыше 25 лет.

Образование: со средним—2 проц., с низшим—98 проц.

Все учащиеся поступают в школу добровольно.

Нужды школы.

Казалось бы, все хорошо в школе,—но и она имеет свои нужды.

Прежде всего—не хватает учебных пособий и учебников: курсантам приходится записывать лекции со слов преподавателей.

Не хватает также кроватей, кроватных столиков, кухонной посуды. Нет стекла: нужно остеклить нижний этаж.

Будем надеяться, что в „неделю уюта красноармейца“ будут удовлетворены и эти нужды курсантов пехшколы—будущих командиров нашей [illegible] ной армии.

Веди[illegible]

Великий почин[illegible]

[illegible] ведении «недели уюта» и других. По первому вопросу доклад читал представитель нашего шефа—губземуправления, тов. Рахлинг, который основательно ознакомил нас с земельной политикой совласти.

[illegible] ирова. По заслушании доклада [illegible] ние вынесло резолюцию: всеми [illegible] поддерживать тройку, прилагая [illegible] ния к устранению шероховатостей.

Участник собрани[я]

От редакции.

Статьи, не вошедшие в этот номер, будут помещены в № 2 „Красной Звезды“, который выйдет в следующую субботу. Редакция просит рабочие организации извещать заблаговременно об устраиваемых ими вечерах сближения, экскурсиях и пр., а также присылать материалы по «неделе уюта».

Красная армия охраняет наше спокойствие, наши границы. Внимание к ней не должно ослабевать ни на минуту.